

VIII

**НАПОЛЕОН —
ГЕРОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ
БУРЖУАЗИИ**

В бурный период революции и гражданской войны в России все, что было связано с историей относительно отдаленных периодов временно отошло на второй план. Коммунистическая идеология становится основным содержанием литературы и искусства. Вполне очевидно, что свергнутая монархия стала основной мишенью для острой критики.

Тем не менее, одним из популярнейших сюжетов становится Великая французская революция. Интересно, что многие термины эпохи русской революции 1917 года напрямую заимствованы из эпохи Марата и Робеспьера, именами которых, кстати, были названы тогда улицы и набережные. «Комиссар», «революционный террор», «белые», «контрреволюция», «враг народа»... все эти слова пришли из Франции конца XVIII века и прочно вошли в советский лексикон. «Марсельеза», правда в несколько переработанном виде (т. наз. «Рабочая Марсельеза»), была гимном новой республики до начала 1918 года, когда ее заменила другая французская революционная песня, правда уже конца XIX века, «Интернационал».

Сразу после Октябрьской революции и в начале 20-х годов в Петрограде проводятся грандиозные народные празднества, которые черпали свое вдохновение прежде всего в празднествах революционной Франции. Здесь, как и в Париже 1792–1799 гг. выступают аллегорические фигуры: горящие жертвенники, алтари свободы, факелы, колесницы... Один из грандиозных исторических спектаклей, созданных в это время, заканчивалась исполнением «Марсельезы» огромным хором и возведением на пьедестал женщины в развевающихся белых одеждах, напоминающей знаменитую «Свободу ведущую народ» с картины Делакруа. Организацию массовых празднеств в подобном стиле горячо поддерживал Луначарский, который одновременно был и идеологом образования вообще и исторической науки в частности. Не случайно поэтому в 1918 году выходит перевод книги Жюльена Тьерсо «Песни и празднества Великой французской революции», которая переиздается в 1933 году.

О французской революции пишут в 20-е и начале 30-х годов художественные произведения, слагают стихи, ставят даже балет «Пламя Парижа» (1932 г.), посвященный революционным событиям.

Генерал французской республиканской армии Наполеон Бонапарт таким образом не мог для советского историка тех лет быть резко отрицательным персонажем. Правда, В. И. Ленин несколько раз высказался по поводу Наполеона весьма недоброжелательно. К счастью «вождь мирового пролетариата» говорил на эту тему очень мало, и к тому же, мимоходом в пылу политической дискуссии. Фразы Ленина, как ни странно, возьмут на вооружение историки советской России в более поздние годы, когда фигура Ильича окончательно превратится в некое подобие божества, а концепция политики потребует создания из Наполеона настоящего пугала.

Тогда же, в первые годы советской власти, историки будут скорее вспоминать Маркса и Энгельса. Как известно, создатели теории «научного коммунизма» очень отрицательно высказывавшиеся о «Наполеоне малом» (т. е. императоре Наполеоне III), весьма благожелательно и даже с некоторым пietetом писали о Наполеоне Великом. Так, оценивая роль Наполеоновского кодекса в мировой истории, К. Маркс писал: «...Кодекс Наполеона берет начало не от ветхого завета, а от идей Вольтера, Руссо, Кондорсе, Мирабо и от французской революции». А Энгельс, когда обращался к теме полководческого гения Наполеона, восторженно восклицал, говоря о самом знаменитом сражении императора: «Аустерлиц предстает чудо стратегии, он не будет забыт до тех пор, пока существуют войны». Описывая войну Наполеона в Испании, Маркс указывал, что испанское сопротивление, несмотря на широкое народное движение, было «реакционным, так как противопоставляло древние учреждения, обычаи и законы, суеверные и фанатичные, рациональным новшествам Наполеона, так как противопоставляло “святую религию” так называемому французскому атеизму...» и т. д. И потому, когда речь заходила о внешней политике, советские историки тех лет не могли забывать, что Наполеон вел борьбу в Европе с отжившим феодализмом и клерикальной реакцией.

Главным идеологом и руководителем новой «исторической школы» и одновременно советских «исследований» в области наполеоновской истории стал академик М. Н. Покровский. Мы не случайно взяли в кавычки слова в предыдущем предложении, ибо методы М. Н. Покровского трудно назвать действительно историческими. Красный академик утверждал, что «История — это политика, опрокинутая в прошлое», иначе говоря, не существует исторической науки как таковой, а есть лишь политика, которая лучше или хуже использует историю в своих целях.

В годы работы М. Н. Покровского тезис о истории, как политике, был понят абсолютно прямолинейно, настолько, что в школе курс истории был фактически отменен, будучи интегрирован в преподавание обществоведения. Оно же в свою очередь должно было доказывать справедливость марксистских тезисов, в прокрустово ложе которых должны быть втиснуты все перипетии мировой истории.

Став заместителем наркома просвещения Луначарского, М. Н. Покровский фактически стал руководителем советской исторической науки. По отношению к оппонентам были применены также вполне советские методы борьбы. М. Н. Покровский инициировал так называемое «Академическое дело» в результате которого организациями ОГПУ была арестована большая группа ученых старой исторической школы.

Тем не менее, необходимо отметить, что М. Н. Покровский не был приспособленцем. Он искренне верил в свои идеи и пришел в революцию по глубокому убеждению, уже зрелым сформировавшимся человеком, не раз подвергавшимся репрессиям за свои взгляды.

Не удивительно, что в своих произведениях, посвященных теме этой книги М. Н. Покровский выступает как абсолютно последовательный марксист-ленинец. Наполеон для него, как и для другого марксиста, Н. И. Кареева, о котором мы уже писали диктатор, представляющий интересы буржуазии, которая в то время была передовым классом. А следовательно Наполеон при всей его «буржуазной» сущности является положительным героем. В отличие от Н. И. Кареева, «красный академик» еще (см. раздел VI), — более последовательно и прямолинейно проводит мысль об экономической основе истори-

ческого процесса. Все наполеоновские войны, по мнению М. Н. Покровского, объясняются исключительно экономическим противостоянием французской и английской буржуазии. Россия, считает историк, неизбежно должна была в этих войнах стоять на стороне Англии, так как она жила при «торговом капитализме», развивавшемся только благодаря торговле с этой страной.

Что касается самого военного конфликта между Российской империей и наполеоновской Францией, М. Н. Покровский менее всего склонен оправдывать российские правящие круги. Он, кстати, совершенно не сомневается, что инициатива войн с Наполеоном исходит от Александра I, а в описании самого вооруженного конфликта, детали которого, конечно, мало интересовали последовательного марксиста, М. Н. Покровский весьма скептически рассматривает патриотизм русских крепостных крестьян, да и самого дворянства, отрицательные черты которого историк никогда не забывал подчеркивать. Не слишком величал историк и армию Александра I, вот что М. Н. Покровский писал, например, о состоянии русских войск в ходе кампании: «...грабежи не прекращались, грабили и около Вильны, и около Витебска и под Смоленском, и под Москвой: и не грабить было нельзя, ибо солдатам надо было что-нибудь есть. Надо прибавить, что если солдаты грабили просто под непосредственным давлением голода, то высшие чины грабили не меньше, но с большим комфортом и с меньшей опасностью».

Небольшая книга известной в те времена писательницы и историка Татьяны Богданович уже в своем названии декларирует отношение к французскому императору. На обложке брошюры красуется заглавие «Наполеон — герой буржуазии». В стиле названия и выдержано все содержание. Так, подводя итог первым годам правления Бонапарта, Т. А. Богданович пишет: «Буржуазия могла быть довольна. Она, наконец, могла считать свою цель достигнутой — ее избранник оправдал доверие. Теперь во Франции была и сильная власть, и мир». Но в отношении борьбы Наполеона со старой Европой и в частности с царской Россией автор совершенно однозначно стоит за Наполеона: «Во всей Европе господствовал тогда тот же самый феодально-монархический строй, как во Франции до революции. И привилегированные сословия, и государи одинаково боялись гибельного для них примера Франции. Правда, Наполеон стремился всячески укрепить свой трон и сделать свою власть такою же, как власть других европейских монархов, но, во-первых, он не был прирожденным государем, а выдвинулся своими талантами во время революции, во-вторых, он не признавал привилегий дворянства, а опирался на буржуазию, и наконец, он с такой легкостью смешал и назначал государей, что совершенно подрывал почтение к ним у подданных».

Все эти причины, помимо того страха, какой наводил Наполеон своей непобедимостью, побуждали европейских государей напрягать все силы для борьбы с ним. Они хотели не просто освободить от него свои страны, даже не только поживиться насчет Франции. Они хотели совершенно уничтожить Наполеона, лишить его власти. Мало того, они хотели установить во Франции такой строй, какой существовал в ней раньше, чтобы истребить всякое воспоминание о ненавистной для них революции».

Наконец о победе антинаполеоновской коалиции в 1814 г. Т. А. Богданович говорит от лица французского народа: «Неужели опять, после морей пролитой крови, после героической борьбы революционного народа, Франция будет отдана во власть королей, тех же самых Бурбонов, которые столько веков угнетали

ее? Неужели опять вернутся во Францию эти дворяне-эмигранты, которые держали народ в рабстве, а после революции бежали с родины, пытались все время поднять против нее иностранные правительства и теперь с торжеством возвращались в хвосте иноземных войск?»

Практически в этом же стиле выдержана еще одна типичная для того времени книга, а именно брошюра Н. В. Брюлловой-Шаскольской «Крестьянские волнения в годы Наполеоновских войн». Автор пишет: «Воцарение Наполеона не могло похоронить, однако, всех завоеваний революции. Революция была совершена не пролетариатом, который тогда только начал зарождаться, а буржуазией. Она осталась господствующим классом при Наполеоне. Помещик в свое имение не вернулся».

Н. В. Брюллова-Шаскольская, которую до революции по политическим причинам не раз задерживала полиция, сочувствует, как и М. Н. Покровский и Т. А. Богданович, не помещичьей элите Российской империи, а скорее тем, кто с ней сражался: «“наполеоновские войны”, — пишет она, — были в глазах друзей и врагов продолжением “революционных”. ...где-то шептали, что “француз” несет “вольность”. Надвигалось что-то неведомое, появилась новая власть, а от нового все склонны были ожидать лучшего. Ведь уже хуже, чем было, быть не могло». Автор указывает далее: «В одном московском трактире арестовали студента, проповедовавшего, что приход Наполеона “послужит ко всеобщему благополучию”. В Наполеоне многие видели тогда революционного героя».

В эту эпоху продолжает свою работу и уже упоминавшийся и цитировавшийся Е. В. Тарле. Впрочем, эта работа происходила не в самых лучших условиях. Дело в том, что ставший в советское время академиком, Е. В. Тарле попал в опалу в результате следствия по «Академическому делу». В 1931 году он был выслан в Алма-Ату, и именно здесь он написал если не свое лучшее, то по крайней мере, самое известное произведение «Наполеон», изданное в первый раз в 1936 году и с тех пор выдержавшее десятки изданий.

История его написания тесно связана с процессами, происходившими внутри коммунистической партии этого периода. Не исключено, что Сталин и его окружение задумывались в этот момент о том, чтобы от коммунистического тоталитаризма плавно перейти к некой форме авторитарного правления, напоминающего бонапартизм. По этому поводу известный петербургский историк Олег Кен (1960–2007) писал:

«Современные исследования позволяют считать установленным, что замысел книги о Наполеоне возник в окружении Сталина или у него самого... В марте 1935 г., вскоре после публикации очерка о Талейране, Тарле получил ответственное задание Кремля и принялся за книгу о Наполеоне. Наблюдение над ее подготовкой было поручено заведующему Бюро международной информации ЦК ВКП(б) Карлу Радеку, у которого еще в 1932 г. сложились доверительные отношения с Тарле. Редакция “ЖЗЛ”, которой предстояло выпустить книгу в свет, трепетала: “Хозяин сказал, что будет первым ее читателем”. Для понимания атмосферы, в которой создавался “Наполеон” показательно, что руководство биографической серией “Молодой гвардии” и редакционной подготовкой “Наполеона” было возложено на пришедшего к большевикам через сменовеховство Тихонова-Сереброва. Как известно, одним из оснований идеологии “смены вех” было убеждение в том, что “большевизм логикой вещей от якобинизма будет эволюционировать к наполеонизму”».

Таким образом, книга должна была выполнить определенный социально-политический заказ и она его выполнила. Во многом автор писал ее, как эпическую поэму. Под рукой в ссылке у Е. В. Тарле было, видимо, не много документов, и работа писалась во многом по памяти, отсюда многочисленные фактические неточности.

Так, например, Е. В. Тарле написал: «Когда однажды восторгались геройской храбростью маршала Ланна, водившего столько раз свои гусарские полки в атаку, присутствующий Ланн с досадой вскричал: “Гусар, который не убит в 30 лет, не гусар, а дрянь!”». С легкой руки Е. В. Тарле эта фраза попала чуть ли не в сотни больших и малых, научных и ненаучных исторических произведений о наполеоновской эпохе. Вот только маршал Ланн никогда не водил гусарские полки в атаку. Прежде чем стать выдающимся полководцем, он всегда был только пехотным офицером и если и не раз водил за собой солдат в атаку, то, конечно, гренадер или фузилеров. А фразу такую действительно произнес, только не маршал Ланн, а генерал легкой кавалерии, настоящий гусар Антуан Лассаль.

Е. В. Тарле пишет, что 10 мая 1796 года во время сражения при Лоди Бонапарт встал во главе батальона и «бросился прямо под град пуль, которыми австрийцы осыпали мост». Это опять путаница — Бонапарт действительно возглавил атаку на Аркольский мост, а под Лоди он лишь отдал приказ. Непосредственно повел в атаку солдат начальник штаба армии, дивизионный генерал, Александр Бертье...

Впрочем, быть может, из-за того, что книга писалась без помощи многочисленных документов, она читается почти как роман, и поэтому всегда столь увлекательна читателей.

Конечно, с точки зрения идеологической труд Е. В. Тарле вполне отвечал основным доктринальным догмам марксизма-ленинизма. Так, оценивая мероприятия Наполеона на внутриполитической арене, историк писал: «Наполеон помогал устраивать новое общество, учитывая все то, что было строго необходимо для широчайшей, беспрепятственной экономической деятельности крупной буржуазии, и отметая прочь все тенденции, которые выражали демократические устремления мелкой буржуазии».

Однако подобных пассажей хотя и предостаточно, но не они определяют стилистику произведения. Очень часто, особенно когда пишет о героических эпизодах наполеоновской эпопеи, Е. В. Тарле не сдерживает энтузиазм, и образ Наполеона предстает во всем своем трагизме и романтическом ореоле. Это чувствуется по приведенному в антологии фрагменту, посвященному описанию героического периода «Ста дней». Но нужно заметить, что от историка именно этого и ожидали. Ведь книга «Наполеон» должна была стать не просто историческим трудом — она должна была послужить идеологической основой для нового «красного бонапартизма». Складывается впечатление, что читатель, прочитав работу Е. В. Тарле, должен был по мысли автора и, наверное, заказчика, восхититься энергией и силой духа императора французов, но пожалеть о том, что он не был вооружен марксистскими принципами, из-за чего у него и вышли все несчастья. Вывод напрашивался сам собой...

Однако пока Е. В. Тарле писал свой труд, настроения в правящей советской верхушке кардинально изменились, соответственно изменилось и отношение к книге «Наполеон». С рецензий, которые вышли на нее в газетах «Правда» и «Известия» 30 июня 1937 года, можно смело начинать новый период изучения истории наполеоновского времени и не только...